

Олимпийский чемпион-64 по фехтованию Григорий Крисс: «Помню, в Мюнхене мы с Савелием Крамаровым отправились в один из универмагов, где были скидки процентов 30-40»

Воспоминаний у директора детско-юношеской школы олимпийского резерва по фехтованию киевского спортивного общества «Динамо», президента киевской федерации фехтования Григория Яковлевича Крисса хватит не на одну книгу. В шестидесятых-семидесятых годах этого советского фехтовальщика знали во всем мире. Наша команда считалась одной из самых сильных, а Крисс был ее капитаном. Спортсмен успел выступить на трех Олимпиадах и со всех вернулся с медалями: «золото» он привез из Японии, два «серебра» — из Мексики и «бронзу» — из Германии.

«В Японии Леонид Жаботинский добирался до столовой тремя велосипедами»

-- Григорий Яковлевич, как к советским спортсменам относились на Олимпиаде-64 в Японии?

-- В Токио нас приняли хорошо. Тогда холодная война была, но благодаря спорту общение продолжалось. В Японии мы побывали в таких районах, где на русских смотрели, как на инопланетян. Многие японцы думали, что все русские в медвежьих шкурах ходят.

Олимпийская деревня была расположена на месте американской военной базы. Территория просто огромная: от корпуса до столовой -- пару километров. И вот японцы предложили спортсменам для передвижения велосипеды, которые стояли возле каждого корпуса. А были эти велосипеды какими-то маленькими. Первые три дня они еще выдержали, а потом начали ломаться. Один только наш Леонид Жаботинский за день их где-то с десяток приводил в негодность. Он же тяжелый, на велосипеде несколько десятков метров проедет -- и все, взял следующий. Чтобы доехать от корпуса до столовой ему требовалось три велосипеда. А таких, как Леня, там много

собралось со всего мира: боксеры, борцы, штангисты -- здоровые, по 100 кг веса. Через два--три дня велосипедов уже на всех не хватало, и за ними надо было в буквальном смысле охотиться. Вечером хотелось пойти и на дискотеку, и в клуб, но как подумаешь, что пешком -- и желание отпадало. Вот мы днем и припрятывали где-нибудь велосипед для себя.

-- Япония вас, наверное, поразила своими техническими достижениями? Ведь в Союзе в то время еще многого не было...

-- Да, в этой стране мы впервые увидели диктофон. Вокруг шум, гам, музыка, а он записывает только твой голос. Поразили нас и певцы, которые выступали с микрофонами без кабеля.

-- А домой что-то привезли?

-- Да так, по мелочи... Что нам тогда давали? За 18 дней пребывания в Японии мы получили по 25 долларов командировочных. Купить что-то серьезное на эти деньги было невозможно.

-- Следующая Олимпиада проходила в Мексике, где было очень беспокойно. Не боялись ехать?

-- Тогда, в 1968-м, Олимпиада едва не была сорвана: как раз перед открытием Игр в стране произошли крупные столкновения между студентами, профсоюзами и регулярными войсками. Уже все спортсмены собрались в Мехико, а тут танки на улицах, видны следы трассирующих пуль... В Мексике тогда разрешили свободно носить оружие, а мексиканцы -- народ горячий, вот и постреливали. Американцы тогда предложили перенести Игры в Лос-Анджелес. Причем они хотели тут же, за свой счет, перевезти всех в Америку, а это около 5 500 спортсменов плюс тренеры, врачи... Только советская делегация насчитывала 600 человек. Но все уладилось, и Игры прошли в спокойной обстановке. По дороге на стадион и обратно нас сопровождали бронетранспортеры. В каждом автобусе, перевозившем спортсменов, находились по два автоматчика. Да и Олимпийская деревня, которая, кстати, находилась рядом со студенческим городком, хорошо охранялась — с пулеметами, вертолетами...

Это уже на следующей Олимпиаде в Мюнхене, где террористы захватили в заложники израильских олимпийцев, организация никудышная была. В Олимпийскую деревню заходил кто хотел, проститутки слонялись. В корпус, где жила советская делегация, постоянно подбрасывали антисоветскую и религиозную литературы. Дело доходило до того, что спортсмены по ночам по очереди дежурили.

«За границей нас выпускали в город по трое и за ручки»

-- Я знаю, что на Олимпиаду-72 в Мюнхен для поддержания духа советских спортсменов отправилась бригада артистов...

-- Да, мы тогда все очень сдружились. Артисты Ян Френкель, Муслим Магомаев, Лев Лещенко, Андрей Миронов, Савелий Крамаров и другие нам здорово помогали отвлечься перед стартом. Приходили к нам в корпус, концерты показывали, пьесы разные. После соревнований и бутылочку могли пропустить.

В Мюнхене я был не в первый раз. У нас там постоянно Кубки мира проходили и другие турниры, так что я уже все магазины изучил и с некоторыми хозяевами познакомился. Помню, мы с Крамаровым как-то отправились в один из универмагов, где были скидки процентов на 30 --40. А Крамаров накануне где-то в городе купил себе пиджак. И вдруг он видит точно такой же, только намного дешевле. Савелий тут же начал возмущаться: «Вот капиталисты проклятые, обманывают. Слушай, давай поменяем». «Давай, -- говорю. — Свой пиджак повесь, а тот, который дешевле, возьми. Только предупреди персонал, а то будешь выходить — сработает сигнализация, арестуют». «А они мне деньги вернут?» -- не унимается Крамаров. «Нет. Ты что?» Крамаров недоуменно: «Так какой же мне смысл менять?» Ох и посмеялись мы тогда!..

На втором этаже этого универмага находился дегустационный зал с различными напитками. Я представил нашу компанию хозяину, он спросил, что мы хотим попробовать. Крамаров заказал коньяк. А там же наливают малюсенькими дозами. Савелий выпил, поставил рюмку. Только поставил -- снова налили. Он так смотрит, знаете, как он глазами косил, и говорит: «О! Она меня уважает». Когда мы уходили нам дали такие подарочные пакеты, в которых были бутылочки разные, «шкалики». А Миронов спрятал пакет Крамарова и говорит: «С Савелия потом возьму деньги». Миронов, вообще,

молодец -- хозяйственный такой. У него тогда вторая жена была Голубкина, вот он все в дом за границей и покупал.

Помню, в этом же универмаге с Крамаровым подошли к отделу с ювелирными изделиями. Савелий со своим косоглазием, чтобы посмотреть на что-то, голову вверх подымал. Вот подходит он к витрине, смотрит вверх и спрашивает у продавца: «Это голд?» А она тоже голову вверх задрала и не может понять, что же там наверху «голд»?

- А какие отношения с кагэбистами, сопровождавшими вас на зарубежных соревнованиях, были?

- С этим в то время тяжело было. Мы с КГБ старались дружить. Ведь из тебя могли из тебя запросто клоуна сделать. Работник органов всегда с нами был, числился как тренер. Только что не так скажешь — в отчетах пишут «ненадежный». Стольких талантливых спортсменов сделали невыездными!.. И толком никто даже не знал, по какой причине. У нас знаменитый тренер был — Давид Тышлер, воспитал олимпийских чемпионов, был секретарем Центрального спортивного клуба армии СССР — и невыездной. А в вину ему ставили то, что разговаривал много — очень общительный был, немецкий язык знал...

В город по одиночке нас просто не выпускали. Как минимум втроем, за ручки, буквально... Только отправишься один в город — все, ты уже невыездной. Бывало, правда, что попадался нормальный кагэбист. Помню, в Австрию на чемпионат мира с нами поехал Федор Федорович. Мы его за глаза Фэфэ называли. В Вене нас поселили в студенческом городке, где был бассейн, лесопарк. Утром в день финала выбегаю на зарядку, а тут Фэфэ подходит: «Идем, пивка поьем. Мне такую воблу из нашего посольства принесли!.. » «Вы, что, Федор Федорович, не могу, у меня же вечером финал», — отвечаю. А он: «Так это ж только вечером, идем». Простой такой полковник был. Он там с нами скучал, вот и забота одна — выпить да закусить. А попадались такие набыченные! Кстати, ниже полковника не посылали. Многие из них ездили с нами просто решать свои вопросы: информацию добыть, «почтовые ящики» проверить...

После соревнований они обязательно писали отчет, который я, как капитан команды, должен был подписывать. Вот один пишет: «Такой-то опоздал туда-то, а этот пререкался с судьей». Я говорю: в чем проблема? Это же порядке вещей, все спортсмены имеют какие-то претензии к судьям, все так

делают, вы же не знаете правил, а в той ситуации как раз арбитр и не прав был, тем более что спортсмен не оскорблял судью, просто вел диалог. «Нельзя. Вы дискредитируете советских спортсменов!» -- вот и весь ответ. Бывало, что я отказывался подписывать такие отчеты.

«Премияльных, полученных за две медали чемпионата мира, хватило на две «поляны»

-- А у вас лично были проблемы с подобными органами?

-- Было дело. Вызывали меня после чемпионата мира-67, который проходил в Монреале, в ЦК партии, а это похлеще, чем КГБ. В то время у нас с венграми дуэль проходила (мы были равными по силам командами): то они чемпионами мира станут, то мы. И эта встреча была очень напряженной и решала, кто же в этот раз выиграет мировое первенство. Заканчивалось время, оставались считанные секунды боя, и я вел 2:1. Венгр видит, что отыграться не успеет, и колет вне дорожки -- загорается лампочка. Я смотрю на судью (итальянца по национальности), а тот, показывает: мол, ничего не видел. Тогда это было в порядке вещей: сборная СССР считалась очень сильной и нас попросту давили. А тут еще и свист в зале раздался. Я, возбужденный, поворачиваюсь к трибунам, а там болельщики показывают мне, извините... Ну, в общем, весьма неприличный жест. Это были венгры, которые в 1956 году сбежали от правления Пуша. Представляете, каково нам? Мы же — — идейные! Ну, чтобы разобраться с хулиганами, я прямо со шпагой и полез на трибуны. С одной стороны на мне судья повис, а за другую руку директор чемпионата держал. Чтобы охладиться, мне хватило пару секунд. Возмутителей спокойствия из зала вывели полицейские...

На том первенстве я стал чемпионом мира в командном первенстве, в личном был вторым. Этот чемпионат мира имел для нашей страны огромное значение, потому что как раз в те дни в Монреале проходила всемирная выставка «ЭКСПО-67». В первый и в последний раз вся наша команда вернулась на родину с медалями: кто с золотыми, кто с серебряными, кто с бронзовыми. Такое, наверное, больше никогда не повторится. Нас тогда в аэропорту, как после Олимпиады встречали...

Через десять дней мне нужно было лететь в Бейрут на Средиземноморский Кубок, куда пригласили всех чемпионов мира. Приехал в Москву, а там уже встречают и говорят: «Завтра в 10 утра нужно быть в ЦК партии». Хорошо, что еще только вызвали, — была надежда, что из страны выпустят. Ровно в

10. 00 я был уже в приемной, где меня встретил какой-то чиновник, курировавший спорт. Весь такой вежливый: «Заходите, садитесь. Как дела? Как дома? Как жена?» Отвлекает, значит. А я: «Вы мне сразу скажите: мне надо прощаться со спортом или буду продолжать». Он: «Ну, хорошо. Расскажите, что у вас там в Монреале произошло». Ему уже, оказывается, передали отчет, который я должен был, как капитан команды, подписать. А я его даже в глаза не видел. Свою подпись под ним поставил один из тренеров нашей команды. Вот и такие люди среди нас были. Ну, рассказал я, как все было: какие-то фашисты, эмигранты оскорбляли весь советский народ, я ринулся со шпагой наказать обидчиков, правда, не добрался... Он меня пожурил, посоветовал в следующий раз быть более сдержанным и отпустил...

-- А народ как принимал вас после Олимпиад?

-- Когда мы возвращались с победой, нам просто не давали проходу. Были встречи по всей стране. Приезжаем куда-нибудь, час на отдых в гостинице, а потом колхоз -- председатель стол накрыл, институт -- встреча с профессурой и ректором, к вечеру мы уже с ног валились. Но этим не заканчивалось. Часов в 10 вечера -- встреча в городском или районном клубе. И это еще не все. Дальше -- ужин в ресторане с секретарем обкома и всеми партийными шишками. И так до 4 утра...

Помню, после Олимпиады в Токио у нас десять дней продолжались такие встречи по всей Украине. В гостинице я с Витей Каневским жил. Утром в 7. 30 подъем, а мы после хорошего «приема» на грудь встать не можем. Спасались тем, что в ванной открывали горячую воду, напускали пар, заходил и били друг друга полотенцами. «Отшарахаем» друг друга и приходим в себя. Десять дней очень трудными были. Впечатляло, что народ к нам действительно с душой относился, мы и в шахты спускались, и коров доили, и на заводах за станками стояли.

-- А на материальном положении чемпионов большое количество завоеванных наград отражалось?

-- За две медали мне дали 1 800 рублей премиальных. На руки, после вычета налогов, получил около 1 500. Как раз две «поляны» накрыл: одну в Москве, другую в Киеве — в родном «Динамо». Хорошо, тогда все дешево было:

коньяк 6 рублей 12 копеек стоил, можно было шикарный стол накрыть. А друзей у меня много -- спортсмены, тренеры...

[Ольга Гурина, «Факты», 23 декабря 2000 г.](#)